

ДА Л И Я

ТРУСКИНОВСКАЯ

УТРИ В ПОЛНОЧЬ
КОЗА ОТПУЩЕНИЯ
КОЛОМБИНЕ ДОЗВОЛЕНО ВСЕ

Даля Трускиновская

Колумбине дозволено все

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Коломбине дозволено все / Д. М. Трускиновская — «Автор»,

Если мужчины видят в тебе не женщину, а «своего парня» или «боевого коня», если в твоей жизни нет и следа романтики, значит, пора в ней что-то менять. Например, согласиться на Карнавал и на его девиз, гласящий, что «Коломбине дозволено ВСЕ!»

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Содержание

Глава первая.	8
Глава вторая.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Далия Трускиновская

Коломбине дозволено все

Повесть из жизни женщин

С этого ли все началось? Пожалуй, что с этого. Мы брели лесной дорогой в гости к друзьям, на старый хутор. Нас то и дело облаивали собаки, тяжелая корзина с пирогами оттянула мне руку, ни один из попадавшихся хуторов и отдаленно не походил на искомый, и мой спутник уже начал прохаживаться насчет способности женщин к ориентации на местности. Словом, светила перспектива ночевать в лесу под кустом.

Тогда-то я и увидела этот огромный разлапистый куст шиповника, усыпанный великолепными, чуть не с яблоко, сочными ягодами с белыми бликами на тугих алых и оранжевых боках. Мне пришло в голову, что если собрать их, распределить по размеру, нанизать на крепкую нитку, надеть на шею и пройтись по городу, то наверняка случится что-то роковое – в меня влюбятся или, на худой конец, я сама влюблюсь.

Очень уж разволновал меня этот шиповник. Так разволновал, что даже отпала необходимость лезть в колючий куст, рвать плоды и искать иголку с ниткой: ожерелье само сложилось в воздухе перед моими глазами. И оно произвело странное действие.

Я оборвала замысловатую остроту своего спутника. Более того – я заметила, что его сумка явно легче моей корзины, и рассудила здраво: он вполне мог бы нести и то и другое. В результате он поплелся следом за мной, уже не осмеливаясь остричь, а я успокоила его: на верблюдов обычно навьючивают куда больше.

Действительно, ожерелье из шиповника могло стать началом чего-то прекрасного и увлекательного. И очень жаль, что я на целых полгода о нем забыла. А вспомнила потому, что сижу вот перед белым листом бумаги, а в голове как будто кто красными шариками жонглирует – во всяком случае, так я зрительно воспринимаю привязавшуюся ритмичную песенку, что-то вроде «синьорина-тамбурина-серпантина...» И мелодия бы еще ничего, но рифма! Как будто мне приказали перевести на русский итальянскую канцонетту!

– Брысь, окаянная! – гоню я ее.

– Мандолина-образина-половина! – издевается рифма. И скачут красные шарики, время от времени образуя ожерелье.

Вот в таких условиях начинаю я свое повествование.

Так вообразим же себе буфет. То есть довольно-таки противное заведение общественного питания, где столы протираются тряпкой примерно дважды в день, ножи в жестяной посудине для столовых приборов отсутствуют, а в меню входят салат «Столичный», два сорта булочек и никудышный кофе, разливаемый половником из алюминиевой кастрюли. Впрочем, бывают и яйца под майонезом, и помидоры со сметаной – это уж как кому повезет.

Есть музыкальное сопровождение – буфет-то типографский, коридор сюда ведет мимо линотипного цеха и всякий раз, когда дверь открывается, слышен рокот, Есть и сопровождение, так сказать, обонятельное. Сюда залетают запахи краски, ацетона, чуть ли не бензина, и все это сливается в довольно неаппетитный букет.

Невзирая на перечисленные достоинства, здесь среди рабочего дня пьет кофе довольно много народу. Господа журналисты народ ленивый. И лучше будут изо дня в день клясть кастрюльный кофе, чем пробегут в плохую погоду метров триста до ближайшего кафе.

Публика здесь смешанная. Кто в спецовке, кто при галстуке. А вон те две женщины, занявшие столик в углу, одеты в простенькие юбки и свитерочки. Они только что сами убрали со столика грязную посуду, расставили свои тарелочки и теперь сидят и беседуют. Одна, светленькая, – Лариса, другая, темненькая, – Марианна. Обе пришли сюда в свой нерабочий день

лишь ради зарплаты. И обе на радостях решили кутнуть. То есть взяли они и салат «Столичный», и по две булочки каждого сорта, и кофе. Так и кутят.

Наблюдаем дальше. Марианна пьет маленькими глотками кофе, поглядывает на Ларису и время от времени лениво вставляет словечко, как если бы речь шла о предмете незначительном. Лариса же откинулась на спинку стула, ее кофе стынет, а сама она с не менее скучающим видом врет. И ведь что интересно: и Марианна знает, что все это – вранье, и Лариса понимает, что Марианна ее насквозь видит, и, тем не менее, обе прямо-таки наслаждаются ситуацией.

Такое с женщинами бывает нередко. Ибо никакое здесь, если вдуматься, не вранье. Это – Ритуал. Вот именно, с большой буквы. Так что прислушаемся.

ЛАРИСА. А что мне еще оставалось? Он приклеился, как банный лист к неудобному месту. Ну, ты же знаешь его! Он до тех пор скулил, пока и не сообразила – проще выйти замуж за этого зануду, чем объяснить ему, почему я этого не хочу. Ты ж понимаешь – сокровище!

МАРИАННА. Да уж – сокровище...

ЛАРИСА. Конечно, он человек надежный, этого у него не отнимешь, но других достоинств я пока не заметила.

МАРИАННА. А на кой они тебе? Мужик он? Мужик. Ты ж его не директором на завод берешь или там солистом в оперу. А от мужа других достоинств, по нашим временам, и не требуется.

ЛАРИСА. Твоя правда.

И снисходительно-насмешливые интонации достойны бальзаковских дам.

Но о том, что здесь творят Ритуал, догадаться просто – слишком царственна Лариса и мудра Марианна. Война-то из-за этого зануды велась между ними основательная, и достался он Ларисе, несмотря на то, что она старше, ей двадцать восемь, а Марианне – двадцать шесть.

Так что подтекст их разговора примерно таков:

ЛАРИСА. Ты за этим занудой гонялась, а мне он, в общем-то, до лампочки.

МАРИАННА. Выходит, не до лампочки, раз соглашаешься.

ЛАРИСА. А ты бы за ним помчалась, повизгивая от восторга!

МАРИАННА. Да уж держись за него, держись, тебе и такой сойдет...

Честно говоря, особой ценности этот жених действительно не представляет, хотя преисполнен положительности. Однако бывают случаи, когда нагромождение достоинств тоску на женщину нагоняет. Валерий Яковлевич Соймонов как раз и есть такой случай.

Ситуация рискованная, не так ли? Соперницы – за одним столиком! Но распускать руки и языки, поливать друг друга остывшим кофе они не станут, ибо Ритуал важнее. Ритуал – он самолюбие бережет. А смысл его таков: Прекрасная Дама, сжалившись, снизошла до недостойного и осчастливила его. А другая Прекрасная Дама не пожелала снизойти до недостойного и вовеки не снизойдет. И одна собеседница усердно соглашается с другой: да, мы обе с тобой Прекрасные Дамы. И все довольны.

Впрочем, Соймонов далеко, а Кологрив – близко. Лариса почувствовала его приближение, едва услышав за спиной рокот линотипов из открывшейся двери, и окаменела, чтобы, упаси боже, не повернуться к нему. Но он шумно идет с какими-то мужчинами, и потому Лариса окаменела напрасно – он ее все равно не видит.

Кологрив – лицо почтенное, невзирая на его тридцать лет. Олег Дмитриевич Кологрив – заместитель редактора городской газеты. А Лариса – старший корректор.

Кологрив и сопровождающие его лица становятся в очередь. Лариса продолжает творить Ритуал, а сама поглядывает на Кологрива. Он высок, он статен, он вальяжен, пиджак из ярко-рыжей замши картинно распахнут, и импортный свитер облегает выпуклую грудь. Лицо у него открытое, глаза ясные, улыбка живая, и есть в нем тот шик, на который мгновенно реагируют все женщины, даже пенсионного возраста.

Недостаток у Кологрива только один. Кологрив женат.

Стало быть, завязка такова: героиня увлечена одним, а замуж почему-то собралась за другого. Теперь сюжет может развиваться двояко. Либо она смиряется и становится верной женой Соймонова, всю жизнь тоскуя по Кологриву. Либо в последнюю минуту удирает из-под венца, сохраняя безупречную верность возлюбленному.

А если ни то, ни другое, что же тогда?

Глава первая. «Не буди лихо, пока спит тихо»

Напившись кофе, Лариса и Марианна отправились к себе в редакцию. Там они обнаружили Зою, уже успевшую получить зарплату.

Лариса, Зоя, Марианна и отсутствующая в эту минуту Людмила составляли первую смену корректуры.

А поскольку начальницей обеих смен была Лариса, то следовало бы взять у нее интервью по правилам современной журналистики. То есть начать с микроклимата и так называемого распределения ролей в коллективе.

И вот что ответила бы подстегнутая навоящими вопросами Лариса:

– Роли, которые мы волей-неволей играем, или, точнее, образы, в которых нас воспринимают окружающие, приблизительно таковы. Зоя – женщина исключительно домашняя, Марианна – книжная девочка, Людмила – балованное дитя, поскольку самая младшая. Во второй же смене, которую мы часто зовем вражьей сменой, имеются:

Римма – творческая женщина, которая три раза в год публикует подборку своих стихов, мечтает о сборнике, и на этом основании окончательно отказалась следить за своей внешностью. Эрнестина – модная женщина, Ольга – умудренная опытом женщина, и, наконец, Регина – скандальная женщина. В силу этого она оказалась главой вражьей смены, но по части синтаксиса здорово хромает.

Наша домашняя женщина – самая старшая, ей за тридцать, но мы к ней обращаемся на «ты». Это все-таки молодит. У нее двое мальчишек и вечно голодный муж. Воспитывает она их по телефону.

Наша книжная девочка заменяет нам энциклопедический словарь. Судите сами, достоинство это или недостаток? То же могу сказать о ее полноте. Судите сами, недостаток это или достоинство? А лицо у нее приятное.

Наше балованное дитя считает себя красавицей. Переубедить ее трудно. Мы как-то с Марианной и Зоей насчитали у нее шесть недостатков. И одного из них хватило бы, чтобы назвать женщину каракатицей! Но мужчины – глупый народ. Видимо, как раз недостатки их и привлекают. А что у Людмилы за душой, кроме внешности, я не знаю.

Вот такой ответ на предполагаемые вопросы дала бы Лариса, и из него бы следовало, что она давно разложила по полочкам достоинства и недостатки своих коллег, смирилась и с теми и с другими, хорошо ладит с Зоей, сносно – с Марианной, а Людмилу почему-то недолюбливает.

Себя Лариса считает деловой женщиной. И впрямь – руководя таким пестрым коллективом, поневоле станешь деловой...

Лариса с Марианной и Зоя могли бы зайти в корректорскую. Но как раз был период пикировки с вражьей сменой из-за пропавшей щетки для волос и не дошедших до адресатов телефонных звонков.

Даже не зайдя поздороваться, Лариса, Марианна и Зоя прямо в коридоре принялись рассказывать сны.

Неизвестно, с каких времен это повелось, но каждый рабочий день в первой смене начинался именно с этого. И даже, встретившись в свой выходной, не смогли коллеги отказаться от любимого развлечения.

Ларисе приснилось, как она сдает кастрюлю со вчерашним борщом в камеру хранения. Марианна видела обычно сюжетные сны, соответственно прочитанной на ночь книге. На сей раз ее почтила визитом Екатерина Вторая – слезно жаловалась на Потемкина.

Зоя несколько раз порывалась прервать рассказчиц, намекая, что их сны не идут ни в какое сравнение с ее сном. Наконец ей дали слово.

ЗОЯ. Стою я в корректорской, разбираю гранки. Главное, все как наяву. Телефон звонит, Людка говорит, что на полчаса опоздает. Словом, полное ощущение реальности. И тут входит Кологрив...

Лариса на всякий случай окаменела. Но Зоя вместо продолжения замолчала. По коридору проходила врагиня корректуры номер один – корреспондент Елена, написавшая за последние полгода штук пять докладных и распространившая несколько совершенно гнусных сплетен. Переждав, Зоя продолжала.

ЗОЯ. Ну вот, входит Кологрив с авоськой, а в авоське штук пять капустных кочанов, еле тащит. И говорит: «Зоя, надо будет сделать голубцы». Я, разумеется, спрашиваю, зачем ему понадобилось такое бешеное количество голубцов. А он говорит – на нашу свадьбу, мы же всю редакцию в гости позовем. Яспрашиваю – так это вы, значит, мне предложение делаете? А он говорит, что да, он меня давно наметил.

Неизвестно, как события развивались дальше – во-первых, Лариса с Марианной принялись хохотать, а во-вторых, в дверях своего кабинета внезапно возник Кологрив, и до того кстати, что все три корректорши дружно захлебнулись хохотом.

Кологрив, щурясь, торопливо окинул взором мрачноватый коридор и заметил Ларису. Физиономия его оживилась и сделалась такой, словно снизошло на него долгожданное озарение. Но соорудил немедленно Кологрив солидное выражение лица и сказал отрешенно-начальственным тоном:

– Лариса Николаевна, зайдите, пожалуйста, ко мне в кабинет.

И что же тут произошло? Сумочка выпала из Ларисиных рук? Румянец опалил щеки? Ничуть! Как подобает Прекрасной Даме, Лариса даже бровью не повела, а с достоинством проследовала куда велено. Когда дверь закрылась, Зоя и Марианна переглянулись.

ЗОЯ. Из-за той ошибки, что ли? Наконец-то добрались!

МАРИАННА. Это у Людмилочки уже второй ляп за месяц.

ЗОЯ. Опять допрыгается до выговора.

Зоя и Марианна стали ждать Ларису. Прежде всего, негоже бросать коллегу в момент выговора – а она, как старшая в смене, отвечала за Людмилины ляпы. А потом, следовало продемонстрировать свою солидарность.

Но не о выговоре зашла речь в кологривском кабинете.

Об ошибке он, конечно, знал. Читатель нынче пошел такой, что стоит ему заметить в газете опечатку, как, позабыв о гуманности, хватает он телефонную трубку, трезвонит в редакцию и сообщает о ляпе почему-то с неподдельным восторгом в голосе.

Будучи еще сотрудником секретариата, Кологрив наместачился отвечать на подобные звонки следующей жуткой формулировкой:

– Да, мы в курсе, благодарим, виновные расстреляны.

И, не дожидаясь реакции онемевшего звонителя, клал трубку.

Так вот, прежде всего Кологрив шлепнулся в кресло, указывая Ларисе на соседнее:

– Садись, мать.

Она послушно села.

КОЛОГРИВ. Только ты можешь меня спасти. Влип я, мать, как дурак.

ЛАРИСА. А когда же ты влипал, как умный? Ну, я слушаю.

КОЛОГРИВ. Ты понимаешь... И рассказывать как-то неловко...

ЛАРИСА. Долги?

КОЛОГРИВ. Хуже.

ЛАРИСА. С Валентиной что-нибудь?

КОЛОГРИВ. Вроде того.

ЛАРИСА. Будешь ты говорить по-человечески?

КОЛОГРИВ. Не знаю, сможешь ли ты меня правильно понять...

ЛАРИСА. А чего мне понимать? Ты говори, что нужно сделать.

КОЛОГРИВ. Ну, мать! Ну, не ожидал! вот это – хорошо сказано! И ты действительно сделаешь то, о чем я попрошу?

ЛАРИСА. Я же сказала.

КОЛОГРИВ. Замечательно! Ты сегодня в восемь свободна?

ЛАРИСА. Если надо – свободна.

КОЛОГРИВ. Тогда подходи к историческому музею – знаешь, где боковой портал, напротив кафе? Я буду ждать тебя.

Вот тут-то Лариса и лишилась дара речи. Неизвестно, что послужило причиной, но обуревавшая ее уже несколько лет мечта стремительно начинала сбываться. У Ларисы еще хватило ума притвориться, что она рассчитывает время, пока Кологрив с радужной улыбкой выпроваживал ее из кабинета.

Тут к ней кинулись коллеги с воплем: «Ну???»

ЛАРИСА. Мелочи.

ЗОЯ. Это из-за той ошибки?

ЛАРИСА. Я эту дуру Людмилу еле отстояла. Все валила на дежурного редактора – он, мол, тоже не заметил. А замред у нас, сами знаете, вездливый.

Так вот проявляла заботу Лариса о кологривском авторитете, и все клеточки у нее плясали от радости. Хотя и странным показался Ларисе такой способ назначать свидания, да и лаконичность Кологрива тоже была какой-то несоответствующей, но клеточки не обращали на такую чушь внимания, они плясали и кувыркались, они визжали дикими голосами и бесились, как чертенята.

И пока Лариса врала по телефону Соймонову, что сегодняшний вечер у нее занят, коллега из вражьей смены заболела, придется поработать, клеточки прямо-таки верещали от восторга. Отвязаться от нелюбимого, чтобы помчаться на свидание к любимому – вот это и есть настоящий восторг.

Но ждал нашу героиню сюрприз.

Встретив накрашенную и наманикюренную Ларису ровно в восемь у музея, Кологрив вручил ей сверток.

КОЛОГРИВ. Клади в сумку, мать, и ни о чем не спрашивай. Можешь улыбаться и говорить о чем-нибудь нейтральном.

ЛАРИСА. Это что такое? Взрывчатка?

КОЛОГРИВ. Дома увидишь. А теперь медленно двигаемся отсюда.

ЛАРИСА. Вот выброшу сейчас в ближайший мусорник!...

КОЛОГРИВ. Ты что?! Я те выброшу! Неси как несешь! И говори о чем-нибудь, пока не дойдем до угла.

ЛАРИСА. А ты, часом, не помешался?

КОЛОГРИВ. Как я тебе, мать, уже докладывал, я влип.

Сердитая Лариса мало того что остановилась, она еще и присела на чугунную тумбу у каких-то ворот. Кологрив вынужден был остановиться возле нее.

КОЛОГРИВ. Ты чего, мать? Ты чего расселась?

ЛАРИСА. Отдыхаю! Ногу натерла!

КОЛОГРИВ. Ты еще насморк подхвати!

ЛАРИСА. А тебя, джентльмен, я не задерживаю.

КОЛОГРИВ. В том-то и дело, что задерживаешь!

И тут Лариса окончательно поняла, что за Кологривом наблюдают, и скорее всего – из кафе. Это вполне могла быть его супруга Валентина.

КОЛОГРИВ. Я же тебе ясно говорю – неприятность у меня.

ЛАРИСА. И поэтому я играю в твоём спектакле роль без слов?

КОЛОГРИВ (беря ее за руку). Ну, Лариса, ну, будь другом, ну, ты же обещала, ну, Крыска-Лариска, ну? Ты что, хочешь, чтобы у меня опять разразился семейный скандал?

ЛАРИСА. Значит, тебя опять застукали при заходе налево?

КОЛОГРИВ. Я же говорю – совершенно дурацкая история! Вместо того чтобы приехать из Москвы завтра утром на поезде, она прилетела сегодня днем на самолете. А в дверях квартиры записочка: мол, жду тебя, Олежек, в восемь у портала и так далее. Она позвонила мне и спросила, в чем дело, а я изобразил плохую слышимость. Искать мою даму было негде, на работу она сегодня не выходила. А записка подписана твоим инициалом «Л». Ну, меня осенила гениальная идея! Уж ты-то вне подозрений. Могу же я встретиться с тобой в городе, чтобы вернуть тебе книги?

ЛАРИСА. Все это великолепно, но уже десять минут девятого и твоя подруга теоретически...

КОЛОГРИВ. Вот именно – теоретически! Крыска, ты ведь тоже женщина и понимаешь, что они опоздают минут на двадцать, как всегда. Это, у вас, наверное, ритуал такой. Вот на чем я и построил свой супергениальный расчет – ведь на деловое свидание женщина приходит вовремя. Валентина увидела тебя, успокоилась, а сейчас дадим ей возможность уйти из кафе.

ЛАРИСА. Жалко Валентину.

КОЛОГРИВ. Ну, чего ты? Ты же спасла меня! Я знал, ты поможешь, мы же старые боевые кони!

ЛАРИСА. Как не выручить старого боевого коня!

КОЛОГРИВ. Ты не беспокойся, там даже почерк был похож на твой.

ЛАРИСА. Четко ты рассчитал. Осталось только зарядить и разрыть землю копытом!

КОЛОГРИВ. Ну, это уже лишнее. Так что давай за углом расстанемся, я сделаю круг и как раз выйду навстречу...

ЛАРИСА. Кому?

КОЛОГРИВ. Ну, не могу ж я тебя, мать, посвящать во всю свою личную жизнь!

ЛАРИСА. Извини! Пока!

И она, сорвавшись с тумбы, умчалась. Кологрив ее преследовать не стал.

Совесь Ларисы была чиста – если Валентина сидела в кафе, то она видела женщину «Л», и более того – ровно в восемь.

Но, кроме чистой совести, ничего отрадного не имелось.

Безукоризненный маникюр! Импортная тушь для ресниц с удлинителем! Персиковый румянец! «Как рыбе зонтик...» – хотела было прокомментировать Лариса, но неожиданно родилось другое сравнение – «Как коню косметика». И это как-то больше соответствовало истине.

Впрочем, Лариса недалеко убежала от музея. Ее осенила мысль – раз Валентина следит за Кологривом и не считает это унижительным для себя, почему бы Ларисе не попробовать?

Она понеслась обратно.

И с ужасом обнаружила в себе совершенно шпионские таланты, как то: умение растворяться в толпе возле трамвайной остановки, способность к слежке по отражениям в витринах, безошибочное определение спасительных углов и выступов в стенах.

И что же она увидела в результате?

Женщину она увидела! Совладелицу своего инициала «Л»! Женщину, подбегающую к Кологриву и целующую его в щеку посреди улицы.

Оправдать человека, взывшего при посторонних, может только великое изумление. В кологривской даме Лариса узнала Людмилу!

Все стало ясно.

Куча фактов, которым Лариса не придавала особого значения, сплелась в цепь, вроде тех чугунных цепей, которые встречаются в качестве декоративного элемента на улицах Старого города.

Смотреть вслед уходящим Людмиле и Кологриву не стоило – во избежание истерики. И Лариса приказала себе мчаться домой.

Но от быстрой ходьбы в голове у нее наступило некоторое прояснение, она сбавила темп и с удивлением обнаружила, что оказалась в аллее парка. Видимо, сгоряча она проскочила мимо своей автобусной остановки и двинулась домой пешком.

Впрочем, спешить все равно было незачем.

К вечеру в парке стало безлюдно. Голые деревья и кусты просвечивали насквозь. И впечатление от них было на редкость удручающее. Темнело.

Вдруг Ларисе бросилось в глаза что-то яркое и – совсем близко. Она остановилась, пригляделась и решила, что это ожерелье из красных шариков, надетое неизвестной растяпой на торчащую ветку. Лариса подошла поближе и попятилась. Наваждение – вот что это было, именно наваждение, потому что – откуда в апреле возьмется на ветке ожерелье из алых плодов шиповника, совершенно свежих, глянцевиных, без единой морщинки?

Но как Лариса ни трясла головой – оно продолжало качаться на ветру, нарядное, праздничное, с темно-зелеными хвостиками. Ожерелье заманивало, завлекало – возьми!

Ладно, решила Лариса, от подарков судьбы не отказываются. Она решительно сняла ожерелье с ветки и бросила его в сумку.

По дороге домой ее смятение временно притихло, как будто душевный кавардак по случаю кологривских пашней и изумление по случаю ожерелья взаимно нейтрализовали друг друга.

Последняя вспышка произошла дома – когда Лариса догадалась посмотреть, что же вручил ей Кологрив.

В газету был завернут рублевый вафельный торт.

Лариса совершенно спокойно открыла окно и вышвырнула его в темноту – может статься, и на чью-то голову.

Очень нехорошими словами помянула она в эту минуту Людмилу. И ладно бы Людмила еще была красавицей! Волосы серые – без краски не обойтись, глаза маленькие – по часу гримирует. А Лариса?...

Охваченная внезапным сомнением, Лариса прыгнула в ванную, к большому зеркалу. И мрачно констатировала – вид в меру полинялый, вороньим пугалом еще не назовут, а боевым конем – запросто!

Тут в дверь позвонили. Лариса открыла.

На пороге стоял человек невысокого роста, шупленький, виду невесомого и в шлепанцах. Это был сосед Дима.

ДИМА. Привет! А я с просьбой. Аська в гостях и меня туда на часик зовет, а Дениска соплвится, не хочу его брать. Посидишь с ним?

ЛАРИСА. А что ж! Заодно и цветным телевизором побалуюсь.

Она рассудила сразу – чем злобствовать в гордом одиночестве, лучше отмякнуть душой в обществе пятилетнего ребенка.

Через десять минут Лариса спустилась этажом ниже.

Пожалуй, не стоит описывать, как Дениска выскочил навстречу с воплем: «Те-тя-Лариса-при-шла-а-а-а!», как Дима дал последние наставления и как, стоило захлопнуться двери, Дениска завопил старую свою дразнилку! «Лариска-плюс-Дениска!!!»

И вместо того, чтобы рассказать ребенку сказку на сон грядущий, Лариса поддалась на провокацию, и через пять минут оба ползали по ковру, расставляя солдатики, самолеты и танки, выли, бубухали и всячески изображали генеральное сражение.

Но, летя на троллейбусную остановку, сосед Дима не заметил двух женщин за газетным киоском. А они его заметили.

ОДНА. Смотри! Тебе и карты в руки!

ДРУГАЯ. Поскакал! А окно-то горит? Во, вот она!

Действительно, в окне Диминой квартиры появился женский силуэт. Лариса, теснимая Дениской на левом фланге, из-за кресла, срочно перебазировала аэродром на подоконник.

ОДНА. Давай! И ничего не бойся.

ДРУГАЯ. Я и не боюсь. Только бы он раньше времени не вернулся.

Она вошла в подъезд, и очень скоро в Диминой квартире раздался звонок.

– Это мама с папой! – обрадовался Дениска, помчался открывать, не справился, и Лариса пришла ему на помощь.

Она увидела молодую женщину – очень и очень ничего себе...

Дениска, растерявшись, спрятался за Ларису.

НЕЗНАКОМКА. Это квартира Челноковых?

ЛАРИСА. Да, а кто вам нужен?

Недоразумение свершилось само собой, и никто в нем не был виноват. Войдя в незнакомый дом и обнаружив там женщину в халатике, за которую прячется ребенок, всякий принял бы ее за хозяйку.

И уж во всяком случае, Ларисиной вины в случившемся не было – она и слова сказать не успела, как гостя взяла быка за рога.

НЕЗНАКОМКА. Вы и нужны. Я пришла, чтобы внести, наконец, ясность в положение. Дело в том, что мы с Дмитрием давно уже близки... и вот намечаются последствия...

Лариса попятилась.

Первая мысль была – сказать правду. Мол, не жена я ему, соседка, так что загляните в другой раз. Но... Раз уж Ларисе узнала такую жуткую новость, то просто обязана утаить ее от Аси, Диминой жены и, по итогам пятилетнего соседства, Ларисиной подруги.

Вообще-то Лариса не понимала, за какие такие достоинства Дима Челноков пользуется успехом у женщин. Ростом он был чуть повыше нее и совершенно неспортивного вида, хотя до сих пор занимался альпинизмом и горными лыжами. Ну, кандидат наук – так кто же теперь не кандидат! Даже анекдот есть про подгулявшего мужичка, объявившего себя во хмелю директором мясного магазина. А ударный финал анекдота таков:

– Не слушайте вы его, люди добрые, это у него мания величия! На самом-то деле он – кандидат...

Впрочем, вернемся к героине! Лариса быстро прикинула план действий. В правоте незнакомки она крепко усомнилась. Но у той был агрессивный вид и она явно приготовилась к сражению. Значит, затевать спор не стоило.

Лариса улыбнулась не хуже образцово-показательной продавщицы.

ЛАРИСА. Что же вы так, с порога, сразу обо всем? Такие дела на пороге не решаются. Раздевайтесь, вот тапочки. Я сейчас Дениску уложу, попьем чаю, побеседуем.

И поскорее увела от ошарашенной незнакомки Дениску.

Нарядив мальчика в оранжевую пижамку, Лариса, ради атмосферы домашней идиллии, вывела его пожелать чужой тете спокойной ночи. Но результат оказался неожиданным. Незнакомка, успевшая скинуть пальто и сесть на кухонный табурет, вроде как вздрогнула и поднесла руку к глазам.

НЕЗНАКОМКА. Странно... Пижамка – ну совсем как моя. Знаете, иногда в детстве запомнится какая-то неприятная ерунда – и на всю оставшуюся жизнь. У меня была такая же, но с утятами... нет, с другими какими-то птенцами, не помню... Но оранжевая...

И ни ласкового слова ребенку, ни даже улыбки в ответ на его «спокойной ночи, тетя!» не дождалась от незнакомки Лариса. Очень ей это не понравилось, и приятное впечатление, которое произвела на нее миловидность незнакомки, стерлось мгновенно.

Уведя Дениску, Лариса, прекрасно знавшая Асино хозяйство, быстро накрыла на стол и завела разговор.

Но что это был за разговор! Поскольку Лариса фактически не являлась уязвленной стороной, то и не возникало у нее позыва к истерике или обмороку. Более того – Лариса встряхнулась! Она должна была спровадить незнакомку до прихода Аси. И стоило послушать, как она рванулась в атаку! Тряхнув боевым своим журналистским прошлым, принялась Лариса расспрашивать, где незнакомка живет, да какие у нее условия, да на каком она месяце, да помогут ли родители, и все это с безупречной профессиональной цепкостью, подкрашенной благодушием. Тактика оказалась удачной. Незнакомка, сбита с первоначального своего наскока, растерялась и отвечала, как на экзамене. Похоже, она рассчитывала на скандал, после которого этой же ночью жена выставит Диму за дверь, а скандала-то как раз и не получалось.

Возмутительнице спокойствия было лет двадцать, на Ларисин взгляд, и скроена она была без единого уголочка, вся кругленькая, ладненькая, причем мотив окружности невольно повторялся во всем – в покрое сумки, узоре шейного платочка, рыжеватых кудряшках на лбу, наконец. Это так контрастировало с суховатой, подтянутой, похожей на классическую английскую леди Асей, что Лариса готова была понять Диму. Вот только замечалось в незнакомке, при всей ее ладности и уютности, что-то страшно неустроенное, чуть ли не бездомное, как у забредшей в тепло бродячей кошки.

И смутно делалось Ларисе от этого ощущения, ох как смутно...

Завершив допрос, – причем Незнакомка выпила за это время четыре чашки крепкого чая с вареньем и так распарилась, что даже ее суетливые ответы обрели плавность, – Лариса поблагодарила ее за визит. А затем, сбив с толку комплиментом ее модным туфлям, предложила сопернице одеваться и отбывать, потому что вот-вот явится Дима, а обсуждать такие дела втроем – нелепо, дико и наводит на мысль о скандале в гареме. И раз они, женщины, пришли к какому-то соглашению, то мужчину в это впутывать уже не стоит.

Соглашения, разумеется, никакого не было, но разговор длился так долго, что сам по себе мог сойти за это соглашение. И потому ход, каким Лариса выпроводила незнакомку, вполне можно назвать ловким. А проснувшиеся сегодня при слежке за Кологривом шпионские таланты подсказали Ларисе потушить на кухне свет и поглядеть из-за шторы, действительно ли незнакомка уехала и не столкнулась ли с Челноковыми на троллейбусной остановке.

Такого кошмара не произошло. И, вздохнув с облегчением, Лариса вспомнила, что так и не спросила, как зовут соперницу. Но это уже не имело значения.

Вскоре явились и Дима с Асей. Выслушав положенные благодарности, Лариса заторопилась домой и только попросила Диму зайти к ней на пять минут – у нее вроде дверца от шкафа собралась отлететь.

И был дан горнолыжнику и альпинисту жесточайший разгон. Припертый к стенке, Дима отбивался тем аргументом, что хоть и напозволял себе лишнего, но о последствиях слышит впервые.

За неимением времени на перебранку, Лариса ему поверила. Пора уж было искать выход из положения. Ведь Асе, в ее теперешнем состоянии, знать про мужнины подвиги не следовало. Она ждала второго малыша, хотя и Дениску-то родила, невзирая на запреты эскулапов.

Но мирились они свирепо.

ДИМА. Да люблю же я Аську, сама видишь! Но у нее одна хворь за другой, а я? Мне эти женские хворости уже поперек горла стоят. Постоянно ей врач все запрещает, я теперь – особенно! А я что, каменный? У меня тоже какие-то потребности имеются, и...

ЛАРИСА. Дать бы тебе по твоим потребностям!

ДИМА. Ты, что ли, в монастыре живешь? Я с тобой откровенно говорю, ты же свой парень, а ты?...

ЛАРИСА. Свой парень? Опять – старые боевые кони?

ДИМА. Какие кони? А-а! Ну, вроде того... Уж ты-то должна понять!

ЛАРИСА. Попытаюсь. Ладно... Будут вам боевые кони...

Разобравшись кое-как с этической стороной дела, они перешли к практической: как не допустить Димину случайную подругу до законной и реальной жены.

Вот и закрутилось все, и не повернуть назад. Вот и Дима удрал домой, и в окнах напротив свет погас, а Лариса все сидит и размышляет.

Два раза в течение дня боевым конем обозвали! И оба раза за то, что блудливым мужикам выкрутиться помогла! Ну, есть ли после этого справедливость на свете?

И принялась Лариса со всей жестокостью по отношению к себе, дуре бестолковой, вспоминать, как впервые встретила подлеца Кологрива, как он ничтоже сумняшеся со своей Валентиной ее знакомил, как недавно пирожным в буфете угощал, а она и растаяла, дуреха несуразная... И как она, еще в бытность его скромным выпускающим в многотиражке, грешки его мелкие покрывала, а сама ведь занимала там куда более важный пост – корреспондентский. И как помчалась вслед за ним в городскую газету – хоть уборщицей, хоть машинисткой! Вот и оказалась в итоге корректором... Ведь не переиграть, ведь не вернуть бездарно растраченного времени, вот что обидно. И вечера сегодняшнего обидного не переиграть.

И как же это так все получилось? Лариса посмотрела в оконное стекло прямо перед собой. По ночному времени оно не хуже зеркала отразило ее лицо. И стало даже странно, что не конскую морду...

И было тут Ларисе потустороннее видение.

Она явственно услышала голос, вещавший:

– Женщина! Как ты дошла до жизни такой?

Конечно, если во взбудораженном состоянии досидеть до четырех утра в гулком одиночестве, еще и не то услышишь. Но ведь сегодня с Ларисой уже произошло одно чудо, почему бы не быть другому? Или не было мистического шиповника?

Лариса принесла из прихожей сумку, пошарила в ней – и действительно вытащила ожерелье. Растянула на пальцах – не слишком длинное. Примерить? А почему бы и нет? И, глядя в оконное стекло, надела Лариса подарок судьбы, и легли прохладные плоды ей на грудь. И овеяла сердце приятная такая прохлада.

А внутри происходит что-то непонятное. Как будто возник клочок пустого пространства и начал расти, и обозначилось нечто пестрое, с золотыми и серебристыми проблесками... и с алым тоже... Все пристальнее вглядывается в себя Лариса, все отчетливее оно становится, и уже можно разглядеть наряд с черными, зелеными, белыми и красными ромбами.

Но оно, хоть и внутри, еще настолько далеко, что ни лица, ни фигуры разобрать нельзя, и только доносится куплет совершенно незнакомой песни:

*... и я отныне пожелала
жить по законам Карнавала,
ему я душу отдаю, а вместе с ней – печаль мою,
чтоб я вовек уже печальной не бывала!*

Из чего можно заключить, что оно – женского рода, но с выводами лучше не спешить – а вдруг это и не оно вовсе поет?

Тем более, что странный головной убор обнаружился на нем – черная бархатная треуголка.

ОНО. Здорово ты себе все испортила, голубушка. Твой красавец Кологрив в тебе женщину в упор не видит.

ЛАРИСА. Сама виновата. Опустилась. Намажусь, оденусь, причешусь...

ОНО. И получишь дежурный комплимент. Или ты собираешься каждый день менять туалеты? Это на твою-то зарплату?

ЛАРИСА. А как же тогда быть?

ОНО. Давай думать. Раз он не оценил твою верность и стойкость, твое бескорыстие и готовность в любую минуту кинуться на выручку... Впрочем, и правильно сделал, что не оценил.

ЛАРИСА. То есть как?!?

ОНО. А это, милая, все – собачьи достоинства. Когда человек в них нуждается, он заводит собаку, с ней, кстати, и проще – знает свое место.

ЛАРИСА. Ну, спасибо... То конь, то собака...

ОНО. Сама виновата. Ты же первая забыла, а в результате и прочим позволила забыть, что ты – женщина. На юбку свою посмотри! А теперь повторяй за мной: я – женщина!

ЛАРИСА. Ну, я – женщина...

ОНО. Вяло. Еще раз.

ЛАРИСА. Женщина я.

ОНО. Вдохновения мало. Еще!

ЛАРИСА. Ну, баба я, баба я, баба!

ОНО. Так. И если меня не любили за мои достоинства, то полюбят за недостатки. Повторяй!

ЛАРИСА. То есть как?

ОНО. И если не замечают моих взглядов, я пушу в ход хитрость, увертливость и упрямство!

ЛАРИСА. Но каким же образом?

И тут буквально в двух словах наметило загадочное существо некий план и даже разбило его для доходчивости на ряд боевых операций. План был прост и забавен, хотя требовал некоторого риска, актерских данных и материальных затрат. Так что Лариса минут пять молчала в недоумении – и соблазнительна казалась ей эта затея, и нахальная, и вообще... А главное, в голове не укладывалось, как это она, человек уравновешенный, деловой и не склонный к авантюрам (если не считать совращения Соймонова), отважится на такие кошмарные деяния.

ОНО. Я понимаю. Ты еще не готова. Сегодняшних событий тебе мало. Ничего, не тороплю. Недолго осталось...

ЛАРИСА. Откуда ты знаешь?

ОНО. Твое самолюбие крепко задела. Еще два-три щелчка по больному месту – и порядок.

ЛАРИСА. И откуда же мне их ожидать?

ОНО. Отовсюду. Ты просто однажды очень отчетливо увидишь то, чего раньше замечать не желала... Ну, мне пора.

И тут только Лариса заметила, что странное существо достаточно к ней приблизилось, чтобы разглядеть его во всех подробностях. Костюм – чуть ли не шутовской, винегрет какой-то из разноцветных ромбов, но изыщен и пикантен до крайности. Черный, сверкающий золотом и серебром корсаж падает на юбку дюжиной острых и длинных углов, и каждый такой хвост кончается красным шариком. Юбка из ромбов, широкая и довольно короткая, открывает ноги в белых чулках и красных башмачках. На цепочке, охватившей кисть руки, болтается веер. С уголков треуголки тоже свисают красные пушистые шарики. А на лице – бархатная маска, как будто это сиамская кошка нарядилась в женское платье...

ЛАРИСА. Коломбина?!

КОЛОМБИНА. Ха! Повелительница Коломбин! Но, говорю тебе, мне пора! Отдай душу Карнавалу, слышишь? Отдай душу Карнавалу!

Лариса уставилась на нее, не понимая этого странного призыва, а пестрый демон запел тихо-тихо, но так, что делалось жутковато:

*... и я отныне пожелала
жить по законам Карнавала!
Ему я душу отдаю,
а вместе с ней – печаль мою,
чтоб я вовек уже...*

Тут и голос, и ромбы вместе с ним растаяли. И кусочек пустоты стал быстро-быстро затягиваться, съежился и притворился, будто исчез. А за окном оказалось светлеющее небо.

Так что же, ожидаются бурные события?

Не знаю. Ведь есть еще и тормоза, не менее важные, чем право быть победительной женщиной.

Так что оставим героиню размышлять о прошлом и будущем и займемся, наконец, местным колоритом, чтоб уж больше к этой теме не возвращаться.

А странная сейчас у Ларисы улыбка. И ожерелье с шеи сняла, раскрутила на пальце...

Ох, не стоило Кологриву впутывать ее в свои амурные пашни, ох, не стоило!

Глава вторая. О погоде на завтра, белой горячке и товарище Соймонове

Лариса проснулась часов в одиннадцать. Пока бездумно валялась в постели – оказалось, что половина двенадцатого. Пока позавтракала, оделась, нарядилась, причесалась – половина первого. И в час Лариса, как положено, была на работе.

В каждой редакции имеется корректура. Ее дело – следить, чтобы в газете не появлялись ошибки.

В почтенной газете, выходящей пять или шесть раз в неделю, как правило, восемь корректоров. Работают они посменно, через день. Смена длится часов восемь-девять, но требует полной выкладки. Бывают смены и по двенадцать часов – когда идет официоз, то есть правительственные сообщения, речи на съездах и вообще все то, что должно наутро дойти до читателя по всей стране.

График работы корректуры, на первый взгляд, кажется санаторным. Скажем, Лариса работает в понедельник, среду и пятницу, имея четыре выходных в неделю. И хотелось бы мне посмотреть на женщину, которая отказалась бы от такого блаженства!

Но в богадельню, как иногда сгоряча называют корректуру в редакции, тоже не каждого возьмут. Будут две недели проверять на глазастость, а потом объявят: «Не видит ошибок!» И поди поспорь...

Корректура в редакционном коллективе – это государство в государстве, со своими обычаями, своими мелкими интригами и даже со своим языком. Иногда она позволяет себе порезвиться в просторах русской грамматики. Так, например, неизвестно, кто первый выудил из тьмы веков суффикс «ея», но в течение полугода, не меньше, вражья смена вместо «свадьба» говорила «свадьбея» и, соответственно, «субботея», «просьбея», «зарплатея». Первая смена в пику ей ввела в обращение «свадьбец», «просьбец», «зарплатец» – и все это с ударением на последнем слого.

Во всякой корректуре существуют свои герои, свои легенды, свои анекдоты. Новичкам рассказывают про асов былых времен, устремлявших единственный взор на подписную полосу и замечавших отсутствие запятой в середине третьей колонки. Их устрашают преданиями о роковых ошибках, за которые снимали редакторов. Повествуют о корректорских ляпсусах времен царя Александра, чьего порядкового номера никто, к сожалению, не помнит. Якобы в отчете о коронации было напечатано: «...митрополит возложил на голову его императорского величества ворону». И якобы появилось в следующем номере той газетенки кошмарное опровержение – мол, каемся, ошиблись и предлагаем вам, милостивые государи, правильный текст: «...митрополит возложил на голову его императорского величества корову...»

Вот где работает Лариса, и даже успешно, ибо два года назад ее назначили старшим корректором. Честно говоря, после суетливой должности корреспондента многотиражки корректура ей показалась раем. И скисли планы борьбы за место в отделе, а материалы из-под ее пера появлялись лишь из материальных соображений, потому что сотня в месяц – это аккуратно на квартиру, кофе и косметику, и даже если выкраивать по двадцатке, то на приличное зимнее пальто будешь копить года полтора, не меньше.

Не то, чтоб окунулась она в корректорский быт, а было ей там после пережитых несколько лет назад волнений спокойно, и могла она издали обожать Кологрива.

А Кологрив стремительно делал карьеру. За пять лет побывал он выпускающим в секретариате, заместителем ответственного секретаря, корреспондентом, опять заместителем, два месяца для приличия – заведомом информации, чтоб не вышло слишком большого прыжка

по служебной лестнице, и, наконец, стал заместителем редактора. Останавливаться же на этом он явно не собирался.

Но пусть уж наслаждается Кологрив последними мирными деньками перед великими передрыгами. Последуем лучше за Ларисой в фантастическое учреждение, именуемое редакцией. Ибо только в канцелярии господ бога и в редакционном секретариате услышишь, пожалуй, такой диалог:

– У нас нет погоды не завтра! Как быть?

– Ставь вчерашнюю!

Стало быть, пройдем мы вместе с Ларисой по редакционному коридору и откроем дверь с табличкой «Корректорская». Интерьер этой комнаты – не для слабонервных. Она увешана всевозможными плакатами, от импортных, с портретами полуобнаженных эстрадных звезд, до местных, рекламирующих сберкассы. Причем на плакаты вкривь и вкось наклеены газетные заголовки, как-то: поперек солиста, соблазнительно прогнувшегося в своих сверкающих штанах, тянется заголовок позавчерашнего политического комментария: «Позиция партнера: какова она?» На окне же, зацепленный с концов шпильками за шторы, висит транспарант, намалеванный губной помадой на полосе обоев: «Лучше перебдеть, чем недобдеть!» Он остался на память от одного из бывших редакторов, потому и слетевшего, что однажды корректура недобдела...

Явившись вовремя на рабочее место, Лариса не обнаружила на подоконнике ни Людмилой косметички, ни Зоинной авоськи, ни Марианниной кучи книг. А стол был завален гранками.

Гранка – это полоска бумаги с колонкой текста. В нее завернут оригинал – то, с чего наборщик набрал текст. Гранку нужно прочесть вслух, исправляя в ней ошибки, в то время как коллега следит по оригиналу, не переврали ли фамилию или цифру. Исправленная гранка возвращается в типографию. После чего корректоры получают оттиск целой газетной полосы и кучу жеваных гранок. Полоса сверяется с гранками – интересно же, каких ошибок линотиписты наделали взамен исправленных. Кроме того, при верстке полосы вываливаются строчки, и их надо вписать. Полоса после этих процедур размалевана фломастерами вдоль и поперек. А еще является дежурный редактор и добавляет к этой мазне свои сокращения и исправления. Не успели разделаться с полосой – поступает следующая. Потом – еще одна. Потом, скорее всего, вернется выправленная первая. Потом принесут четвертую. Потом вернется вторая.

Потом придет дежурный редактор и снимет с первой половину уже чистых материалов, чтобы поставить другие. Их спешно читают в гранках и шлют на правку. Потом одновременно являются третья и четвертая. Потом – опять вторая. И так – весь вечер.

А очень часто случается, что часикам к девяти, когда почти все готово и корректура сообщает, в какое кино она еще успеет, вдруг по телетайпу приходит известие о запуске космонавтов. Половина первой полосы спешно набирается заново, и лишь в полночь Лариса выводит дрожащей рукой слова: «В печать. Л. Н.»

Так что Лариса стала разбирать гранки сама, хотя это, собственно, обязанность Людмилы. Но Людмила опаздывает, и Лариса злобно вычисляет, не повел ли ее Кологрив пить кастрюльный кофе.

Является Марианна. Она не бросается на помощь Ларисе, а идет к зеркалу рисовать себе глаза. И она совершенно права – разбирать гранки не ее обязанность. Опытным оком Лариса замечает в ее сумке увесистый фолиант. Нет сомнений, что бывшая соперница намерена его освоить в рабочее время.

Лариса жалуется ей на Людмилу. Марианна соглашается.

Появляется Зоя и сразу же хватается за телефон. Лариса вздыхает – ей не удастся держать подчиненных в ежовых рукавицах. Телефонной педагогикой Зоя готова заниматься чуть ли не весь день и еще обижается, если ей не дают разговаривать больше сорока минут.

Но на этот раз педагогика не затягивается. Лариса жалуется Зое на Людмилу. Зоя соглашается. Так уж повелось, что последняя опоздавшая из четверки наталкивается на каменную солидарность коллег, даже если они и опередили ее на пять секунд ровно.

Время идет, из секретариата звонят и торопят, поэтому Лариса сразу сажает Зою и Марианну читать гранки. А через четверть часа, когда Ларисе уже надоело демонстративно изнывать от безделья, врывается Людмила.

ЛЮДМИЛА. Бдиха Берестова на дежурство прибыла!

Встречает ее тяжелый взгляд Ларисы, который Берестова относит за счет опоздания. И ей кажется, что выработанная раньше метода смягчения Ларисы сегодня тоже сработает.

ЛЮДМИЛА. Ой, дура я безмозглая, балда я бестолковая, ой, ведь знала же, что просплю, ой, ведь могла же позвонить, ой, вот дура, вот идиотка, ну, просто дура ненормальная!

Обычно ей удавалось таким монологом рассмешить Ларису. Но сейчас та молчит и явно ждет продолжения. Людмила, скиная, пытается себя честить на чем свет стоит. Наконец Лариса, сжалившись, сурово говорит ей, что вот гора гранок, и Людмила с облегчением за них хватается.

И покатился обычный день, в котором все вперемешку – ругань с секретариатом, ругань с цехом, фактические ошибки в оригиналах, капризы начальства, телефонные звонки и прочая белиберда.

Но на сей раз все это пролетало как бы мимо Ларисы.

Работала она спокойно, споро и толково, но мысленно все возвращалась к своему ночному видению. Да еще Людмила физиономия действовала на нервы – и в результате план, небрежно и лихо сочиненный пестрым демоном, стал обретать реальность.

План был подходящий, да только сомнительный. Лариса, числясь в корректурской табели о рангах женщиной деловой, все еще не избавилась от робости и неуверенности. План же требовал активности и отваги, которых в нужную минуту могло и не хватить. Лариса прекрасно это понимала, и все же... Да, совершенно по-женски она одновременно признавалась в собственном бессилии и крутила телефонный диск. Трубку не брали, она ворчала и через полчаса снова звонила. Но звонила она не Соймонову.

Настало время перекусить. И стало ясно Ларисе, по какому такому совпадению Кологрив попадал в буфет одновременно с корректурой. Разумеется, он оказался в очереди рядом с Людмилой, а та вся разулыбалась, хоть и молча – видно, Кологрив хорошо ее вышколил по части конспирации.

Вернувшись из буфета, корректура круто взялась за работу и перевела дух только тогда, когда все четыре полосы принесли из типографии на подпись.

Затем следовало отдать их на прочтение человеку, которого называют «свежей головой».

Из этого не значит, что он держит голову в холодильнике. Бывает, что «голова» несет свои обязанности с крепкого похмелья. Термин означает, что она свежим взором выловит ошибки, пропущенные корректурой. «Свежачат» сотрудники по очереди.

Лариса занялась сортировкой материалов номера – что на какую полосу встало, что отложили на завтра. Коллеги с пудреницами толклись перед зеркалом. Но было что-то тревожно...

ЛЮДМИЛА, Спорю на «мерседес-бенц», будет ошибка. Носом чую.

ЛАРИСА. Паникеров к стенке. Не перечитывать же весь номер!

Скажи об этом Марианна или Зоя, Лариса, может, и развернула бы сверток, чтобы проворить одно неясное подозрение. Ей казалось, что она эту ошибку уже отметила в каком-то заголовке из международной информации, и внутреннее зрение возмутилось, а обычное почему-то молчит... Но об этом сказала Людмила.

Тут в дверях появился человек, озаренный неземным восторгом.

ЧЕЛОВЕК. Во! Выловил! Эх вы, вороны!

ЛАРИСА. Ну и что же ты там выловил?

Человек молча, но с торжеством во взоре показал кусок заголовка, обведенный красным фломастером. Вместо «Соединенные Штаты» крупными буквами значилось «Соединенные Штаны».

ЛАРИСА. Раз в месяц и от «свежей головы» бывает польза. Марианна, снеси эту мерзость в цех, пусть выправят.

Марианна отбыла, а человек сник. Он, мнивший себя спасителем редакции от завтрашнего веселенького скандальчика, разбился, как волна об утес, о Ларисину непоколебимость.

Конечно, и Ларисе было смешно, но она держалась стойко.

ЛАРИСА. Хм, Соединенные Штаны... Это даже вообразить себе трудно. Четыре штанины, что ли? И как они торчат, в одну сторону или в разные? Кто читал заголовок?

ЛЮДМИЛА. Марианна.

ЛАРИСА. А в подписной полосе?

ЛЮДМИЛА. Я... Дура я бестолковая, идиотка фирменная, все, делай со мной, что хочешь, растяпа и ворона...

ЛАРИСА. А что – я? Не я здесь главная. У тебя уже было два выговора. Знаешь? И что шеф сказал? Знаешь? То-то...

Тут Ларисе стало вдруг неловко – всегда она эту раззяву Людмилу покрывала, а теперь вдруг взъерепенилась. Из-за ошибки, как же! И сочла она недостойным себя сводить на работе женские счеты, и махнула рукой – мол, ступай, Людмила, и без тебя кисло... Людмила, конечно же, сразу смылась, а Лариса ощутила, что совесть ее чиста и руки развязаны.

И отправилась она не домой, нет! Она, на ночь глядя, отправилась туда, куда безрезультатно весь день звонила.

Поднялась Лариса по темной и вонючей лестнице и на последнем этаже позвонила в дверь условным сигналом в ритме «Хабанеры» из оперы «Кармен».

Ларисе пришлось протрезвонить всю «Хабанеру», и она уж собралась было уходить, когда в дверном проеме возникла странная фигура.

ФИГУРА. Привет. Поздравь, у меня белая горячка. Делириум тременс.

ЛАРИСА. Привет. Охотно верю. Соответствуешь.

Жертва перепоя была завернута в полосатый халат, на голове имела тюрбан из полосатого полотенца, а другое, опять же полосатое, висело на шее. Вместо глаз было два совершенно черных пятна, каждое с кулак величиной.

Лариса мужественно перешагнула порог.

ФИГУРА. Вот, прихожу в чувство после галлюцинации. Сплю весь день.

ЛАРИСА. Не сидел ли на шкафу чертик, болтая копытцами?

ФИГУРА. Классический случай – белые мышки. Холодный душ не помог.

ЛАРИСА. И как, прямо по полу шныряют?

ФИГУРА. По кладовке. Да ты входи. Коньяку хочешь?

И Лариса вошла в комнату, носившую следы бурной ночной жизни. Одни суповые тарелки на полу, полные окурков, чего стоили! Но самыми эффектными были бутылки с остатками разнообразных коньяков, декоративно выставленные на пианино.

ЛАРИСА. Пятьдесят граммов, только молдавского, он помягче.

ФИГУРА. А то могу «Реми-Мартен». Или «Болс», он сладкий.

ЛАРИСА. Тогда – «Болс». Завязываешь, что ли?

ФИГУРА. Это же черт знает до чего можно допить. Сигареты есть?

ЛАРИСА. На. И пойди умойся, а я чай поставлю.

Фигура с сигаретой побрела в ванную. Лариса отправилась не кухню хозяйничать. После дежурства ей хотелось есть. Но хлеб был тверже гранита. Возмечтав о жареной картошке, Лариса открыла дверь кладовки.

Тут ей потребовались все ее душевные силы, чтобы удержать в горле визг: на подвесной полке паслись две белые мышки.

От пятидесяти граммов «Болса» такое привидеться не могло.

Протянув трепещущую руку, Лариса схватила корзинку с картошкой. Дверь сама собой захлопнулась.

Обыкновенные мыши ее бы не удивили. Но гнездо мышей-альбиносов?... Оставалось предположить, что белая горячка, она же – делириум тремор, отныне – хвороба заразная...

В ужасе перебирая варианты, Лариса принялась чистить картошку. В дверях ванной появилась тем временем преобразившаяся фигура.

Перед Ларисой стояла с расческой в руке молодая очаровательная, хотя и бледная после коньячных и прочих подвигов, женщина в одних трусиках. Ее длинные темно-каштановые волосы с золотой искрой падали вдоль спины, и оканчивалось их пушистое облако, немного не доходя до подколенок.

ЛАРИСА. Есть прогресс. Оденься, Ника, замерзнешь.

НИКА. Зажги еще одну горелку. В зеркале-то я чего увидела – ба-а-тютшки! То ли желтушница сорокалетняя, то ли жертва морской болезни...

ЛАРИСА. Береги рожу – это у тебя оружие производства!

Из этого совсем не следовало, что Ника, боже упаси, продает свою красоту за наличный расчет! Просто в некоторых профессиях внешность играет важную роль. Ника – певица. И ее судьба в чем-то параллельна Ларисиной судьбе. В консерватории считалась перспективной. Потом – катаклизм в личной жизни. Очнулась солисткой второразрядного ансамбля в приличном ресторане. Очухалась, привыкла и убедила себя, что вполне довольна.

Подруги сели за стол. Уплетая картошку, Лариса поглядывала на сотрапезницу и все больше убеждалась в верности безумного плана. Ведь Ника была-таки хороша! А с загулом ситуация вышла такая – положились друг на дружку шальные деньги за какие-то левые концерты, скандалчик с руководителем ансамбля, именины очередного возлюбленного и еще что-то. Белые мышки явились вовремя...

За сковородкой Лариса изложила Нике последние события и даже поведала о своем ночном видении – на уровне сна, конечно, о помощи же покамест не просила.

НИКА. Ясно. Одно удивительно – как это тебе раньше не приснилось.

ЛАРИСА. Все так дико совпало...

НИКА. Да, такие вот совпадения и гонят нас на Карнавал.

ЛАРИСА. Но что же это такое – Карнавал? Ты знаешь?

НИКА. Кажется, уже знаю. Очень удобная штука, между прочим. Все красивые женщины – Коломбины, все мужчины – Арлекины, и никаких проблем.

ЛАРИСА. И все любят всех, что ли? Попахивает бредом...

НИКА. Да нет же! Карнавал – это возвращение к истокам, к исходной правде, понимаешь? Это когда женщина женственна, а мужчина – мужествен, только и всего. Это когда у женщин все женские привилегии, понимаешь? Не понимаешь...

ЛАРИСА. И ты хочешь сказать, что сама выбрала Карнавал, и у тебя есть все эти привилегии?

НИКА. Не веришь? Убедишься!

Она выскочила из кухни и вновь возникла с вешалкой в победно поднятой руке. На вешалке висели черный корсаж с красными шариками и юбка в ромбах.

НИКА. Треуголка в коробке на шкафу, а туфли в ящике. Показать?

ЛАРИСА. Не надо. Красные башмачки с пряжками.

Подруги замолчали. Ника заговорила первая. Ее голос был глуховатым и далеким, когда она, положив пестрое коломбинское имущество на колени Ларисе, завела такую речь.

НИКА. Это просто – надо только отбросить те представления об отношениях мужчины и женщины, которые в тебя вдолбили со школьной скамьи. Все оказалось не так. И чего ты, следуя им, достигла? Ты старательно превращаешь себя в тупую посредственность, для которой мерки этих отношений впору.

ЛАРИСА. Карнавальные отношения меня тоже не устраивают.

НИКА. Отношения будут такими, каких ты сама захочешь. Ясно? Никто не сможет навязать тебе роли приличной жены, как твой Соймонов, или роли боевого коня, как твой Кологрив. Запомни главный закон Карнавала. Коломбине дозволено все! Кого и чего бы она ни пожелала, она имеет право взять. Кто и что бы ей ни надоело – она имеет право отбросить. Вот и все.

И, пока Лариса осваивала этот неожиданный закон, Ника взмахнула пестрым одеянием – и оно какбудто само улетело с кухни в комнату, а Ника уже жаловалась на городское хозяйство и дворников, потому что недавно, вылезая ночью из машины, попала в колдобину и сломала каблук у выходных туфель. Она даже принесла на кухню туфлю с отлетевшим каблуком, чтобы Лариса оценила величину потери. Но Лариса вместо того задумалась, держа в руке тонкий и острый, словно стилет, каблук.

ЛАРИСА. Между прочим, если бы осуществлять план завоевания Кологрива, то этот каблук здорово бы пригодился...

Ника на это не сказала ни слова, и правильно сделала. Иначе завязался бы спор о том, стоит или не стоит уважающей себя женщине пускаться в такие авантюры, и Ника настаивала бы на активных действиях, а Лариса из чувства противоречия от них отказалась бы.

Так что в голове у Ларисы твердо засела мысль об осуществимости злодейского плана. И она засобиравалась домой.

НИКА. Катись, только вынеси в кладовку картошку.

ЛАРИСА. Белых мышек боишься?

НИКА. Белой горячки боюсь.

Трепещущей рукой взялась Лариса за корзинку. Ведь знала же она, что есть в кладовке какой-то феномен, какое-то наваждение, но говорить об этом Нике не хотела из педагогических соображений.

И загадала тут Лариса – как развернутся события в кладовке, так пусть и получится со злодейским планом! Эта мысль помогла ей решительно отворить дверь и вступить в кладовку.

На сей раз она пробыла там подольше, и не потому, что рухнула в обморок. Белые мышки резвились на той же полке. Лариса героически на них уставилась, и ей показалось странным, что, шныряя, они как бы темнели на глазах, зато полка светлела. Лариса подошла поближе, мыши смылись, и тут все объяснилось. В пакете с мукой была прогрызена основательная дырка.

Лариса, на манер Людмилы, обозвала себя дурой фирменной, хотя вывалявшаяся в муке мышь, пожалуй, и самого Кологрива привела бы в смятение. Но у нее хватило стойкости не раскрывать тайну Нике.

Пророчество могло значить лишь одно – что паника окажется напрасной и план удивительно легко осуществится.

Домой Лариса помчалась на такси, но машину отпустила в квартале от дома, создав иллюзию приезда с работы на автобусе.

С Соймоновым она встретилась у подъезда.

Трудно описать Соймонова Валерия Яковлевича – тридцати трех лет от роду, разведенного, среднего роста и средней упитанности, инженера на среднем предприятии. Это был тот самый, фигурирующий в статистических отчетах гражданин, который ходит в кино пятнадцать с половиной раз в год, выписывает шесть и три десятых периодических изданий и поедает указанное в годовых сводках на душу населения количество мяса, молока и яиц.

Словом, этот среднестатистический жених со средней скоростью двигался к Ларисину подьезду, ничем не выделяясь среди прохожих, и даже радуя чей-то взгляд своей среднеэлегантной внешностью.

Возвращаясь домой, Лариса опять впала в сомнение относительно плана, и поэтому обрадовалась Соймонову. Соймонов – это была вполне реальная надежда на мирное и будничное счастье, на семью, на ровные и хорошие отношения.

Она предупредила жениха, что задержалась по уважительной причине – Марианна справляла день рождения. В свое время они вдвоем познакомились с Соймоновым, и Ларисе было очень удобно завлекать его, прикрываясь неопытной в таких делах Марианной. Потом завлеченный Соймонов свел к нулю контакты с Марианной, так что поймать Ларису на вранье он не мог, а опоздание и хмель получили объяснение.

Доверив Соймонову стряпню ужина, Лариса побежала к Асе. Но не только из-за Диминых проказ – она хотела покаяться в шальных затеях, получить нагоняй и оставить безумные планы навеки. Ася могла ее легко встряхнуть и наставить на путь истинный – ведь именно Ася была инициатором совращения Соймонова, хотя речь сперва шла не о замужестве. И именно Ася сообразила, что он по всем качествам годится на роль образцового супруга. Соймонов, видя хорошее к себе отношение, сильно Асю заужал, и дружбе Аси с Ларисой всячески покровительствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.